

Кошка и Буслаев

На вишню всё тише нисходят каскады дождя,
и листья, дрожащие в струях усталого ливня,
во влажной прохладце под хмурью небес серебрятся.
И кошка брезгливо
трясёт мокрой лапой, в осоку войдя,
под лепеты водных пульсаций и гул водосливов.

В ромашковый лес, где канавы по кромки полны
шипучей водой, где неслышно и мягко, как тени,
скользят пузыри по волне, по зеркальному дрипу.
И капли в смятенье,
буравя пространство, быстры и нежны,
влекутся со всхлипами к аркам склонённых растений.

К плетениям трав, словно дикие джунгли, густым...
Но кошка в расстройстве – упругость стеблей попирая,
громадной храминой, широкой, заросшей по цоколь, –
сантехник Буслаев
лежит на поляне в плену дремоты,
и во-до-по-то-ки природу его омывают.

Щебечут ручьи на просторах могучей груди,
струят по рукам, что грубей, чем курильские крабы.
И ливень герою не страшен – спокойствие пашен
разлито во храпе,
он спит – до зари ты его не буди.
И снится Аркаше пейзаж мирового масштаба.

Там волны великих морей и течения рек
закованы в трубы. А боги стальных оболочек –
сантехники – статны... Клозеты чисты, и опрятны...
“Нет, нынче до ночи
никто не покормит. Бесчувственный век!” –
и кошка невнятно буслаеву маму порочит...

Аркадий, суровый, как сфинкс в африканских песках,
подобно пустынному стражу, к векам равнодушен,
лелеет бугристую землю, за деву приемля...
И скачет по лужам
ворчливая кошка в голодных грустях –
качаются стебли... Гроза над Семёновым кружит.

Моление над глиняным комом

Травины пыльные, обломок валуна...
Сквозь толщу стен в подвальные глубины
нисходит свет из старого окна,
где ветра вздох, где ворох воробьиный...
Мерцает в каплях серебра скульптурной глины
зелёный ком, чья плоть окроплена

Шнуром зеркальным плещущей струи.
Здесь в магме родовой, первоначальной,
сокрыты все творения мои –
рождённые и будущие чада –
отзвучия любовей и печалей,
отчаяний и помыслов рои.

Под коркой глины слышу шелест крыл,
смятенье юных губ и плеск ладоней,
и старости ворчливые хоры...
Здесь смерти необузданные кони
сквозь льды и хаос древних космогоний
летят в пещерах глиняной горы.

Я отсекаю грубой бороздой
горбы и глади глиняного поля,
тревожа Небо медленной мольбой:
«Пребудь со мной, в дни радости и боли,
в часы трудов – в обычае ль, в крамоле –
Отец Небесный, Свете тихий мой»...

Студенецкие пруды

Скажи, звёздный странник, Итакой рождённый Улисс,
что гонит потомков твоих в каждодневный круиз
по миру, по свету, по гатям родимой земли?...

В тенистых аллеях, в бездонные дни благоденствий
с мадонной моею, чреватой прелестным младенцем,
одежды овеем, сандалий тесьму припылим...

Слиянье голландских традиций и русских трудов –
окружья мостов над каналами старых прудов,
где пресненский парк, амальгамой седой полонён,
дрожит миражом в отраженьях фарфорово-хрупких,
и светятся скупое его озарённые купы...
А с тихого ль неба, с вечерних ли меркнувших крон
сыпается варварский грай молодых воронят,
на врановом вече вещающих скорый закат.
Но солнце ещё не погасло в осоках полян,
и, пуха пухлей, золотистые лохмы соломы
мерцают сквозь травы в волокнах прохладной истомы,
и флоксовы шапки сочат сладко-сонный дурман.

Там, в звонах и гудах, в печали – о чём ли? о ком? –
прощальная ходка шмеля над дремотным вьюном.
Летун басовитый ажурные петли плетёт,
лёт сумерек росы в развёрстые зевы сосудов –
нефритово-розовых, палевых, трепетно-грудых,
прилежен и важен в плену неотложных забот.

Окликнешь ли Время – покатится медленный зов
по глади, по грусти, по неге старинных прудов,
и взгляд твой отметит проплешину мёртвых ветвей,
устало плывущие капли листов пожелтелых,
зацветшие воды, щербатых мостов обомшелость,
извивы расщелин и ржавую оспу камней.
Поведай, Улисс, отчего неизбывна тоска
и льдисты свирели великой Косой? Но пока...

пушинка, малёк, водомерка, стрекозье крыло,
лампада кувшинки, крушины шумок наговорный –
неяркого летнего дня драгоценные зёрна,
и время неспешно, и вязы вздыхают светло.
И время не властно над алым скользящим лучом
и локоном светлым, и худеньким нежным плечом...
Ковчежец небесный в зеркале каналов плывёт –
в зелёном и розовом золоте ряски вечерней
И, словно над влагой багряною грек-виночерпий,
склоняются ветви над флегмою гаснущих вод.